

С. АУСЛЕНДЕР

Голубой Цветок (Лекция Вячеслава Иванова 23 ноября)¹

Иногда вдруг вспоминается одно имя, одно слово из прошедших веков, и сначала смутно, а потом все яснее и яснее начинаешь понимать, что именно это слово, это имя являются для нас очень нужным, очень близким. Романтиков томила память о «Голубом Цветке»², как о чем-то желанном, несбыточном и прекрасном. Не наступило ли для нас уже время томиться той же мечтой, что уже увлекала поэтов и мудрецов столетие тому назад?

У Шпильгагена³ найдем мы слова о «Голубом Цветке» приблизительно такие: «Синий цветок никто никогда не видел, но им благоухает вся земля, которую глупые люди воспевают в стихах и прозе, а тысячи мечтают о том же молча».

Но не только красивая томная печаль о невозможном, печаль, послужившая могучим стимулом для творчества многих, — «Голубой Цветок» у Новалиса. Для него это уже точный мистический символ, скрывающий за собой целую религиозную систему⁴.

В веках теряется происхождение этого символа, но у всех позднейших мистиков встречаем мы голубой цвет, как символ Души мира, имеющий свой корень в мистическом опыте (это доказывается многими местами из поэзии Влад. Соловьева, особенно Тремя Свиданиями)⁵.

Культ Мировой Души, понятый как Вечная Женственность, характернее и для современных поэтов. Даже от религиозных переживаний возникает этот образ, окрашенный религиозным светом (Альдонса и Дульцинея Сологуба)⁶. Как же не вспомнить нам о Новалисе, который упредил Гете и на рыцарском шлеме поэта носил только голубые цвета своей Вечной Дамы?

Святая Дева-Мария покровительствовала поэзии⁷ средних веков, но Ренессанс, провозгласивший индивидуализм, суровая реформация изменили мадонне, забывая, что идея Вечной Женственности

является необходимым условием для расцвета лирической поэзии и несет желанный синтез между христианством и красотой.

Новалис должен быть дорог нам, как первый предтеча последнего проникновения в тайну Мировой Души. В нем первая возможность нового христианского поэта, верного Деве и Святому Духу. Но в нем должны мы чтить не только носителя великой идеи, но и одного из крупнейших поэтов. Гёте сказал про него⁸: «Он не был императором, но мог бы им быть». Этими словами Гёте почтил в нем младенческую ясность вдохновения, соединенную с ясностью и глубиной гениального мыслителя. Самая жизнь Новалиса, из которой романтики создали сладостную легенду-житие, своей светлой гармонией со всем его творчеством, звенит как тихое журчание ручья.

Детство с глухим романтическим замком; веселый детский нрав; любовь к Софии фон-Кюнне⁹, полудетская любовь к веселой девочке, кончившаяся смертью Софии на 14 году ее жизни.

После смерти невесты его светлая печаль, с которой он жил еще четыре года, твердо сказав себе, что он умрет не от яда или пули, а от твердого желания не жить, — сон в одно ясное утро под музыку в соседней комнате, перешедший в смерть, — любовь к Софии, к той умершей девочке, — в последние годы его жизни переходит в живую любовь к Софии-Мудрости, соединенной в вечный брак с Христом. И для Новалиса это пророчество апокалипсиса о жене, облеченной в солнце, является совершенно возможным и близким: это пришествие третьего царства в душах людей.

Свое миросозерцание Новалис называет «магическим» идеализмом, которое своеобразно преломляется с мистическим реализмом. Когда Вячеслав Иванов читал духовные стихи и «гимны к ночи»¹⁰ в своих достигающих высшей степени перевоплощения одного поэта в тайну творчества другого переводах, казалось, что уже с нами этот странный, быть может, не всем понятный юноша, почти мальчик, с бледным лицом, с опускающимися на лоб волосами, с нежными губами, с приветливым и печальным взглядом. И расцветал таинственный «Голубой Цветок» в этих неожиданных вдохновенно-импровизованных словах о потерянном в столетиях и вновь найденном, нужном и близком нам Новалисе.

1909

